

РАССКАЗЫ

ТЕТЯ

Марике эже посвящается

— Паша, что творишь, негодяй ты этакий?! — бабушка вопила, приближаясь и размахивая скалкой.

Несколько раз схлопотал по лопаткам и, заплакав, убежал. Спасаясь, взобрался на покатую крышу сарая, которая вся была видна со двора. Поэтому бабуля все не могла уговорить и продолжала ругаться:

— Да чтоб ты сгорел! Дед твой на войне фашистов бил, а ты?! Тьфу на тебя, да и только! Ноги и руки обломать тебе мало. Галя, Галя!.. А ну-ка иди сюда, погляди на своего сына. Весь в тебя — без серого вещества. А ведь говорила я Максимке не брать тебя в жены. Нет, взял на мою и свою голову, — кричала бабушка с перекошенным от злобы лицом.

— Вер'ванна, да уговоритесь вы уже наконец! — кричала в ответ мама, выходя из дома во двор. — Бубните с утра до ночи. С ночи и до утра. Бэ-бэ-бэ и бэ-бэ-бэ, нет бы помолчать. Я что, по-вашему, лежу в гамаке и коктейли попиваю?! Видите же, что дел невпроворот! Одна горбачусь, спину к вечеру не разогнуть. А Максим — хоть и люблю его — не лучшее предложение, что мне делали. А знай я, что в придачу вы полагаетесь, так и вовсе задумалась бы. Вы не меня, не внука — сына пожалейте... Будете надоедать — брошу все и уйду! Вот посмотрю тогда на вас! На то, как вы станете дни напролет стирать, убирать, готовить, мыть, дрова колоть да сено косить! — истерично выпалила мать.

— Ишь, какая! Пугать вздумала. Я Максимку без тебя счастливым тридцать лет растила и еще пятьдесят смогу! Вы посмотрите на нее, аристократка, белоручка. Тьфу на тебя! Я в твои годы и сено полями косила, и танки ремонтировала, на войне мужиков на спине с поля боя выносила! — бабуля метала громы и молнии, крутя пальцем перед лицом мамы.

— Ой, Вер'ванна будет вам, а! — сонливо произнесла мать. — Будь я на войне вместо вас, я бы троих мужиков сразу выносила с поля боя. Да что там носить, я бы сама сражалась и фашистов била. Максима вырастили таким счастливым, что эта сволочь каждый день напивается, да так, что по ночам хуже свиньи... хрюкает, — мать подошла к бабушке вплотную и уперлась руками в бока, напоминая королевскую кобру, готовую ужалить.

— Вы посмотрите на нее! Кажись, драться собралась... а ну бей, проверим, из какого ты теста слеплена! Что, кишка тонка? Бей, кому говорят, сатанинское отродье! — бабушка не уступила бы никому. Выпятив грудь, она уткнулась в грудь матери.

Урмат Саламатович Саламатов родился в 1990 году в Бишкеке (Кыргызская Республика). Окончил Академию управления при Президенте Кыргызской Республики по специальности «Банковское дело». Публиковался в журналах «Слово/Word», «Нева», «Камертон», «Великоросс» и др. Автор книги «Плата за рай» (2019). Живет в Бишкеке.

Обычная сцена нашей повседневной жизни каждый раз воспринималась мною болезненно. Наблюдая ее с крыши сарая, я не хотел быть ее участником и отвернулся, спрятал голову в колени, закрыл уши ладонями. И все равно не мог успокоиться. Плакал. Молоко матери, взрастившее меня, волновало кровь и не оставляло равнодушным к ее страданиям. А гены бабушки не позволяли встать на сторону матери.

Бабушке исполнилось семьдесят два года, из которых последние десять она страдала, испытывая боль утраты и скорбь по бабушке. Со дня смерти мужа ее здоровье стало ухудшаться. Ко всему прочему, она ветеран войны, а значит, выпало ей немало: все невзгоды и трудности фронтовой жизни. Война не женское дело. Перенесенная контузия оставила след и в душе, и в теле. Она плохо видела, а к концу жизни полностью ослепла. Ее мучили кошмары, она вскрикивала во сне так громко, что всем в доме становилось тревожно на душе. Потом появились галлюцинации, и она нередко разговаривала с растениями во дворе. Не будь у бабушки дочери, моей тети Ольги Дмитриевны, она стараниями отца давно оказалась бы в доме престарелых.

Мать была провинциалкой. Отец прожил два года на окраинах страны — в командировках по работе. Вернулся домой с супругой и грудным ребенком — мною. Дед и бабушка со стороны матери — люди небогатые. Когда узнали про жениха из края небесной лазури и вечной воды, с радостью благословили и отпустили дочь.

Бедность взрастила в маме силу, закалила характер, заставляя бороться каждый день, чтобы ее не нашли оконечной, с иссохшими губами, вытаращенными глазами, вздувшимся животом в одном из четырех углов ее холодного глиняного дома. Поэтому она не испугалась ни обветшалого дома, ни зарослей сорной травы, обступивших дом, ни разграбленной изгороди и разбитых оконных стекол, ни отсутствия утвари, ни болеющей матери супруга. Ее крепкий торс и сильные руки помогали справляться с мужской работой, пока отец пил, а тетя была на работе. Сил у матери было через край, но энтузиазм, встречающий бесконечное недовольство бабушки, стал увядать, словно цветок, поливаемый чаем. Однажды мать даже хотела бросить все, взять меня и уехать домой. Но не успели мы собрать вещишки, как состоялся разговор с тетей Олей, и мы остались навсегда. Мать часто в порыве гнева — условия жизни давали о себе знать, и со временем нервишки стали ни к черту — уверяла бабушку, что уйдет, но так же, как и остальные слова, они забывались, стоило тете прийти домой.

В ссорах с бабушкой мать нашла отдушину и не стеснялась выплескивать эмоции. Бабушке же это вечное противостояние давало силы жить дальше.

И в этот день, не успей отец вовремя, беды было бы не миновать.

— Ма-ать?! Любимая?.. Ты две-ерь мне открой, люби-и-мая ма-йя... — пел отец, схватившись за изгородь, которая ходила из стороны в сторону, когда он пытался устоять, как всегда, шатаясь.

— Ну, прекрасно! Просто отлично! А, Вер'ванна, вы посмотрите, как он счастлив, — язвила мать.

— Так и есть, дорогая! Ох, как же я счастлив. Мама, обними меня! Что такое? Не любишь? — искренне вопрошал отец.

— Позор! Тьфу и тьфу на тебя! Отец твой, Дмитрий Парфенович, царствие ему небесное, на войне фашистов бил, а ты?! Как тебе не стыдно?! Тьфу на тебя, да и только! — бабушка саданула костью отца и, не переставая ворчать, зашла в дом.

— А куда это вы собрались, Вер'ванна?! — кричала мать уже вошедшей в дом бабушке. — Вы же говорили, что мужчин с поля боя таскали, а сына родного бросите?

— Так ты ж по три за раз перетащить клялась! Вот! Для начала одного попробуй. И это не поля боя! — высунув голову из окна кухни, парировала бабушка. Но маме уже было не до нее.

— Ни дня без свинства! Да когда же это кончится? — мать, пыхтя, тащила отца в сарай.

Когда отец выпивал, его укладывали в сарае. Деревянные коробки для хранения яблок и абрикосов, покрытые сеном, служили отцу не самой удобной, но постелью. Разумеется, гуманная тетя Оля не допустила бы такого отношения, но она жертвовала братом ради племянника. Несмотря на то, что тетя старалась положить конец отцовским пристрастиям, она считала: брат сам виноват в животной жизни, которую вел.

Мать с первых минут зауважала тетю Олю за ее способность жертвовать своими интересами ради других. Она работала больше всех. И работа у нее была тяжелее, чем у всех членов семьи, вместе взятых. Но даже это не смогло сломить ее дух. Ни один из соблазнов не смог заставить ее перейти на темную сторону жизни, где царят зло и огорчение, недовольство и бесконечные крики — крики боли, жестокости и отчаяния. Даже когда она умирала в муках, глаза ее не переставали излучать свет доброты и нежности. Она была слишком мудрой, чтобы тратить время такой короткой жизни на ссоры с близкими людьми.

Усталая улыбка на лице — единственная улика, которую не могла скрыть тетя. Я уверен, будь у нее право прилечь, она бы непременно воспользовалась возможностью отдохнуть. Но вместо этого она приходила с работы и принималась помогать матери. Возилась со мной: играла, учила, показывала, рассказывала и давала те знания, что развивали, делали сильнее и умней. Дальше шла растереть спину и ноги бабушке. А еще успевала погладить и укрыть отца в сарае. А потом шла укладывать меня и, рассказывая добрую сказку, засыпала вместе со мной. Я ни разу так и не дослушал сказку до конца — настолько нежным, убаюкивающим голосом обладала тетя. Она строила для меня мир грез, надежды, добра, веры и безопасности, но стоило ей уйти на работу, как все остальные принимались рушить этот хрупкий мир. Оглядываясь в прошлое и думаю, что еще в детстве я понимал Прометея, как никто другой. Тетя Оля за ночь восстанавливала психику ребенка, а утром домочадцам вновь было чем поживиться.

— А ну слезай, сволочь такая! Что ты там реवेशь, как будто я умерла! — кричала мать.

— Стой!.. Кому говорят?! Др-р-р... — бормотал отец.

— Что?! Я тебе сейчас покажу др-р-р. Лошадь он увидел, скотина такая! — мать с остервенением била лежащего на земле отца, который принимал увесистые удары, весело посмеиваясь.

Мать запыхалась. Присела, чтобы перевести дыхание.

Чуть погода, отец, облокотившись, приподнялся и увидел меня:

— Пашка! Сынок, ты чего туда залез? Упадешь, сломаешь что-нибудь. Слезай!

— Ух ты! Вспомнил, что сын у тебя есть?! Не смехи, ей-богу... И вообще, кто его туда залезать научил? Не победитель ли в номинации «Отец года»? — язвила мать.

— Поигрался, и хватит. Ну же, слезай. — Отец поднялся с земли и сурово спросил мать: — Отчего ревет?

— Хм! Смотрите-ка. Наш... — не договорила мать.

— Отвечай! — рявкнул отец.

Отец, несмотря на свой невысокий рост, был добродушным и веселым человеком. Его ахиллесовой пятой была выпивка. Он не мог отказаться от пагубной привычки и чувствовал себя виноватым перед семьей. Поэтому ему приходилось терпеть сцены матери. Отцу ничего не оставалось, кроме как обращать оскорбления в шутку и, посмеиваясь, получать лещей то полотенцем, то руками, а иногда и чем-то увесистым. Но стоило отцу насупить брови и взглянуть сурово на супругу или мать, как огромный, бушующий океан их заносчивости испарялся, оставляя пустыню страха. Все в доме

боялись такого отца. По опыту знали: успокоить его — дело трудное и опасное, с непредсказуемыми последствиями. И старались дальше не злить, а угодить.

— Не знаю. Ей-богу, Митенька, не знаю... Я выскочила, а он уже на крыше, и мать на него кричит, — от испуга изменившись в лице, лепетала мать.

— Мать! — отец кликнул бабушку.

— Чего тебе, сынок? — бабушка выглянула из дома.

И заметив грозное лицо сына, сразу помягчала.

— Почему Пашка плачет? Зачем на крышу залез? — не унимался отец.

— Так этот... Сынок, ты только не сердчай... Внучек-то банки с вареньем, те, что в сарае лежат, разбил, — ответила бабушка.

Десятью минутами ранее бабушка, не в силах сдержать злость, поносила меня, стараясь побольнее задеть. Возможно, что еще не простила своего пятилетнего единственного внука, но знала: все ее обиды и злость — ничто в сравнении с гневом отца. И теперь пыталась смягчить участь внука.

— Как разбил? Быть не может... — мать вскочила и побежала в сарай.

Вышла, отирая глаза рукавом халата и еле слышно бормоча: «Сволочь!», «Паразит!», «Месяц жизни извела на эти банки... а сахару! Сахару-то потратили. Сколько денег даром!»

Отец посмотрел на мать, потом на меня:

— Разбил?.. Разбил, я спрашиваю?

— Я... я...

— Слезай.

— Ты обещаешь...

— Слезай, я сказал... — отец попытался вскарабкаться по лестнице. — По-хорошему прошу, сейчас заберусь и сброшу!

Не успел я коснуться земли, как получил ремнем и повис на лестнице. Отец потащил меня на расправу в сторону сарая, подальше от слабонервных. Рев матери был слышен на весь двор, заглушая мой плач. Бабуля кричала что-то из окна. Отец оттолкнул подбежавшую мать, она упала на землю. Помню, как я навзрыд молил отца простить меня: «Папа, папа, обещаю, я больше не буду! Прости меня, пожалуйста, прости! Обещаю, обещаю!»

Вдруг кто-то сзади вырвал меня из рук отца. Подняв голову, я увидел тетю. Не произнеся ни слова, она обняла меня. Взяв на руки, стала гладить по затылку. «Оставь его, Оля!» — прорычал отец. Но тетя не послушалась и вынесла меня на улицу. Посадила на скамейку, а сама присела напротив и стала успокаивать: «Ничего страшного. Ну, ну, успокойся, малыш. Маленький мой, зайчонок». Обхватила ладошками щеки и принялась целовать.

Не успели слезы высохнуть, как руки, карманы кофты и штанов были наполнены шоколадными, сосательными и карамельными конфетами. В магазине — детской лечебнице от всех психических расстройств — я позабыл обо всех невзгодах и обидах и бегал, дергая за юбку тетю, чтобы обратить ее внимание на все новые сладости. Не успела она заплатить, как ей приходилось снова доставать кошелек из сумки. Мой удивленный лепет, счастливые гримасы, воодушевление смешили продавщицу и умилили тетю. Бедная! Клянусь, она готова была платить и платить... отдать любые богатства на свете, все, что имела, чтобы такие радостные моменты в жизни семьи стали чаще, нежели те, которыми мы жили.

Когда запасы детского счастья были пополнены до отказа, я занял место на руках тети. Лег на ее плечо, обхватив шею руками, сжимавшими конфеты. Страх, что кто-то может забрать мои конфеты, преследовал меня и заставлял крепче сжимать кулаки, прижимая их к спине тети. Я боялся заснуть. Боялся, что если усну, то не смогу как

следует уследить за своими сокровищами. Именно поэтому я наблюдал, как дома проплывали передо мной, одетые в белые или коричневые шубы. Разливаясь цветами, пестрели изгороди. Речушка щебетала, ударяясь о камни. Мальчишки с хохотом выпрыгивали из старенького, проржавевшего ЗИЛа без колес. Лучи солнца, проникающие сквозь могучие тополя, щекотали лицо.

Мы шли в гору, оставляя позади наше село. Я чувствовал, как от напряжения сердце тети учащенно билось, а дыхание сбивалось. Но она все продолжала идти. Лишь изредка с дрожью в голосе говорила мне: «Потерпи, родной! Чуть-чуть осталось... Почти пришли». Легкий ветерок то и дело проносился, заставляя пшеничные колосья петь. Легкие духи тети, словно источавшие запах дома и безмятежности, дурманили голову. Поле в десять гектаров раскинулось до самого предгорья. Однако если выйти с конца села, с крайней западной улицы, можно было пересечь его и добраться до горы за тысячу шагов. Так мы и шли. Солнце припекало не на шутку, и я начал хныкать. Тогда тетя сняла с головы платок и укутала меня. Ее длинные волосы разлетелись по ветру, и она, опустившись на корточки, стала копать в сумке, силясь что-то найти. Задумчиво посмотрела на меня. Затем подняла глаза вверх и приложила указательный палец к кончику носа. Вдруг вытащила из сумки шпильку и стала щекотать меня, сама заливаясь смехом.

Один из лучших моментов в моей жизни. Я помню его, будто это было вчера. Горы, чистый воздух, огромное поле, и только мы двое — два ребенка, два сердца, готовых разорваться от взаимной любви, хохочущие и переполненные счастьем. Как же она была красива тогда, убегая от меня. Ее женственные руки грациозно скользили, рассекая ветер. Тонкая талия, шея на зависть самому изящному лебедю. Непокоренная вера в лучшее и желание жить заставляли ее светиться изнутри. Белые зубы, греческой формы нос, изящные линии губ, миндалевидные, вобравшие в себя всю любовь мира карие глаза. Ах, чего бы я не сделал, чего бы не отдал, чтобы вернуть эти мгновения...

Я все-таки заснул.

А когда проснулся, тетя тихо всхлипывала, вглядываясь вдаль...

С вершины горы виднелись село и бескрайнее море. Давно заброшенное, обветшалое здание из глины, пара елей, абрикосовое дерево да скамейка под ним — вот все, что было на вершине этой маленькой горы — предвестницы больших, могучих и вечных гор. Солнце спускалось за горизонт. Апельсиновые облака заполнили небо. Земля светилась, залитая лучами солнца. И воздух словно был пронизан легкими тонами оранжевого цвета и наполнен теплом.

— Почему ты плачешь? — спросил я, готовый тоже заплакать.

— Ну что ты? Что ты? Не плачь, маленький! Я плачу оттого, что так красиво вокруг. Потому что ты самый миленький, красивый мой мальчик. И я безумно люблю тебя. Так люблю, что хочется съесть!

Я вытер ее слезы. Она улыбнулась и поцеловала меня дважды в каждую из щек.

Мы любовались закатом до тех пор, пока солнце не скрылось.

Через несколько месяцев тетя тяжело заболела — у нее обнаружили рак. Тогда я не воспринимал всерьез болезнь тети — до последнего верил, что наутро она встанет, и мы непременно поиграем еще...

Я заподозрил неладное, когда отношение других членов семьи ко мне изменилось. Многие простили, стали терпимее и уже никогда, ни при каких обстоятельствах не повышали на меня голос.

После я узнал, что ее последним желанием было, чтобы племянник вырос, не слыша оскорблений и криков, чтобы жил счастливым — в счастливой семье.

Помню, как несколько месяцев она отчаянно и отважно сражалась с болезнью, пряча ее удары за ширмой улыбки. Лишь прерывистая речь, и дыхание, и пот на лице выдавали ее мучения. Она не показывала боль до последнего вздоха — пыталась улыбаться, даже когда губы ее дрожали, отказываясь слушаться, а на глазах выступали слезы.

Помню:

крики и плач родственников...

тысячу людей, заполонивших нашу улицу...

и скорбь...

их...

и мою.

ДЖИНСЫ

Каждое лето родители отправляли меня с младшим братом в детский оздоровительный лагерь «Дзержинец», на берегу озера Иссык-Куль. Только вот «оздоровительный» — не про этот лагерь... скорее, он был «образовательный». За двенадцать дней я научился всему, чего делать нельзя: курить, пить, драться, протестовать, устраивать забастовки и даже объявлять голодовки до тех пор, пока не выполнялись требования. Не было авантюры, в которой я не участвовал бы и в числе первых не преуспевал. Кроме одного... с девчонками никак не клеилось. Точнее, бегали за мной. Толпами. Еще как бегали. Только все не те. А с теми, что были по душе, всегда робел. В итоге — курьез. Да такой, что девчачье полчище наутро шушукается, хихикает и пальцами тычет. А ребята смеются и, удивляясь, чешут затылки со словами: «И как только ты так умудряешься?» Тогда-то я и услышал про волшебные джинсы.

— Одолжи джинсы, — говорю.

— Джинсы?.. Какие еще джинсы?

— Ну те...

— Синие?

— Да не знаю я цвета... те, что приносят удачу с девчонками! Ребята рассказали.

— А-а, те, что ли. Ну так бы и сказал. Зачем тебе?

— Ветер на улице, голову нечем прикрыть... А ты как думаешь, зачем мне джинсы, которые приносят удачу с девчонками?!

— Ладно, не умничай!.. — он отправился к шкафу. Долго копался. Затем вытащил огромный черный чемодан, размером с телевизор, а из него те самые джинсы. Помню, я подумал про себя: «Видать, и вправду волшебные, раз так бережно хранит».

— На! С возвратом! И смотри, чтоб без всяких пятен, особенно кефир не проливай на них. А то знаю вас!.. В этих джинсах нельзя же не испить кефиру. Зачем их тогда вообще надевать? Да я не против, пейте на здоровье... Но можно же не про-ли-вать!

— Да понял! Понял!! Не нуди, верну в сохранности, целыми, невредимыми. Ни одна ворсинка не упадет с... с... в общем, не упадет! Слово даю! Ну, до вечера.

— Погоди... ты это... ну там, если подруги у нее симпатичные... — он подмигнул.

Мне стало так противно, что захотелось вернуть джинсы и уехать в другой город, там выпить, чтобы все забыть, но Вероника стояла того, чтобы стерпеть все.

Прошло два часа с момента, как ее подруга отвела меня в сторону и сказала: «Ты нравишься Нике. Очень. Она сказала, что погуляла бы с тобой. Понимаешь?» Конечно, уверенности это прибавило, но я решил действовать наверняка и раздобыл джинсы везения.

Время поджимало. Пришлось бежать.

Примчавшись в условленное место, я прислонился к дереву, чтобы отдышаться, когда увидел ее. Вероника смиренно дожидалась принца на бронзовом жеребце. А прискакал я. Без принца.

— Вероника! — крикнул я издалека вместо того, чтобы элегантно подойти и шепнуть что-нибудь брутальное а-ля италиано.

Когда она обернулась и помахала рукой в знак приветствия, я вдруг вспомнил, что не успел надеть волшебные джинсы. Я помахал в ответ пакетом с джинсами и нырнул за тополь. Судорожно снял брюки. Разорвал пакет. Достал джинсы. Стал натягивать и увидел, что они предательски велики. Вдобавок неудобные до коллик в икроножных мышцах. Да еще и толстого покроя, будто из машины какой-то украли полики и сшили эти джинсы. Но деваться было некуда. Я подумал было обмануть судьбу — надеть опять свои брюки. И уже расправил их, когда услышал совсем близко:

— Жанар?!

Не зная, куда девать штаны, я не нашел ничего лучше, чем отшвырнуть их подальше. Когда выглянул из-за дерева, то увидел, что она в недоумении глядит на брюки, повисшие на изгороди.

— Привет! Давно пришла?

— Привет. Да нет. Минуты две. Э-э-э-м. А это, случайно, не твои брюки, ты же в них сегодня приходил на обед? — она указала пальцем.

— Да!.. То есть нет... После обеда я подарил их Вове из младшего отряда.

Она хихикнула, а когда увидела на мне джинсы везения, засмеялась.

Я старался, как мог, скрыть смущение, но крылья мои отказывались расправляться. Кивнув в сторону спортивной площадки, я предложил прогуляться.

— Почему бы и нет, — сказала она, рассчитывая на поцелуй.

А я рассчитывал на темноту в надежде скрыть свой позорный вид. После девяти свет на площадке отключали. Когда мы по памяти нащупали скамейку, пробило десять. Ночь была безлунной — даже зубов не видно.

— Ты здесь? — спросила она.

— Конечно, где мне еще быть? — ответил я, вспомнив наставления соседа по койке — первого покорителя девчачьих сердец: «Будь поувереннее! Наглее, жестче, грубее! Веди себя так, как будто она тебе не нужна, не интересна, противна. Девчонки любят, когда рядом самец! Поверь, я-то знаю. Чтобы ее поймать, надо дать ей раскинуть свои сети. Она должна захотеть тебя поймать. Девчонки привыкли ловить мелочовку, а потому и про тебя так думают. Она же не знает, что ты акула! Думает, что ловит очередную щуку, которую поработит и, как остальных, заставит исполнять желания. И вот когда она опустит сети, ты за них потянешь, она упадет в воду, и тогда ты — цап! Ну, понял?» Честно говоря, я ничего не понял, но ему не сказал, а для себя решил, что буду наглее, жестче, грубее.

— Я тебя потеряла. Так темно.

— Боишься?

— Что, если так?

— Ну, обними. Заодно и не потеряешься.

— Мда! Так себе предложеньице.

— Лучше на всем берегу не найдешь.

— Все вы одинаковые! Авансом хотите взять...

— Что взять?

— Что? Что? Левую грудь в руку! А вот только мою грудь в руку взять — это сразу моему отцу зять!.. Ну?! Решай!

А ведь я мечтал связать свою жизнь с нею. Бессонными ночами я видел, как мы смеемся, бегая по пляжу. Как она говорит, что уже скучает, провожая утром. Как ждет меня после работы и помогает раздеться. Как мы в обнимку лежим, любуясь друг другом. Как вожу ладонью по ее животу, в котором ютится дочка. Как горит в комнате телевизор, но никто не смотрит фильм — мы лежим на кровати, шепотом повторяя слова любви, а между нами посередине спит дочка. Я подумал: «Как же легок путь к исполнению моей мечты. Слишком. И почему нельзя просто подержаться за руки? Может, у нее там, в груди, установлено сенсорное устройство, и она через отпечатки сможет отсканировать мою душу?» Ответить на свои вопросы я не успел — предложение было чересчур заманчивым, и я схватился правой рукой за ее левую грудь. Из-за темноты я несколько секунд колебался, чтобы не промазать, ведь правая могла означать что-то совсем другое. А это снова — курьез, хихиканье, тыканье пальцами!

Мы сидели в тишине около полуминуты. И неизвестно, сколько бы еще мне пришлось держаться, чтобы услышать ответ на мое предложение руки и сердца, сделанное в сидячем положении и без кольца, если бы не включились прожекторы, освещающая всю площадку. Я увидел свою руку на ее груди и ужаснулся собственной наглости. Она смотрела на меня и улыбалась. Ее нежная, светлая кожа покраснела, и она, стесняясь, опустила глаза. А потом засмеялась в голос, прикрывая рот ладонью. Я отнял руку и увидел, что толстые складки на джинсах сложились в паху непристойным бугром.

«Курьез. Хихиканье. Насмешки. Пальцы», — пронеслось в голове.

Я наклонился, пряча предательское место. И не нашел ничего лучше, чем сказать:

— Это не то, что ты думаешь. Я не такой.

Она присела рядом, нагнулась, пытаясь заглянуть мне в лицо. Перестала смеяться и нежно, заботливо произнесла:

— Эй, ну ты чего? Все ведь нормально. Все хорошо!

Я поднял голову. Она мило улыбнулась.

— А ты смешной, — хихикнула она, вгоняя меня в стыд и заставляя прятаться, как черепаха, в панцирь.

— Что-то покажу. Смотри!

Она встала и изо всех сил побежала прочь. А на середине футбольного поля резко сделала несколько задних фляк, а потом заднее сальто.

А я сидел с разинутым ртом и думал: «Дура! Что же ты делаешь? А если бы упала, шею сломала? Как бы я в этих джинсах с эрекцией доказал, что не я тебя убил?»

Пока она вприпрыжку приближалась, я успел нарисовать картину возможного происшествия: стою над трупом красавицы со сломанной шейей, руки связаны, подходит следователь, смотрит на меня с презрением, потом с отвращением на джинсы, смеется и говорит: «Так! Ну, тут все понятно! Убийство на сексуальной почве... Вон, видно же! Улики налицо, точнее, в штанах. Хотя причинно-следственная связь все-таки есть. То, что в штанах, ударило в голову, вот и мотив».

Осуждал я ее недолго. Когда узнал, что моя Вероничка в шестнадцать лет имела звание международного мастера спорта по гимнастике и проделала сложные кульбиты на футбольном поле только для того, чтобы отвлечь меня, я растаял.

Сейчас мне стукнуло сорок восемь, а ей пятьдесят. С того дня мы не расставались — четыре года отношений и тридцать лет брака. Через все плохое и хорошее, что преподносила жизнь, мы прошли вместе. Вот и сейчас она сидит рядом, смотрит на рукопись — мой подарок к тридцатилетию совместной жизни. Спорит страшно: «Не так все было». А я все равно люблю ее и восторгаюсь ею, как восторгался тогда — тридцать четыре года назад. И да, мечты мои тоже сбылись, в точности так, как я хотел.

Не знаю, джинсы помогли или нет, но больше я никогда их не надевал.